

ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ

Рег.№14127 Главного управления Министерства юстиции РФ по г. Москве от 15.02.2001 г.

129164 МОСКВА а/я 110. Тел.: +7 (903) 769 7179, +7 (925) 002 00 22. E-mail: e-expert@yandex.ru ИНН 7717118908. Internet: www.rusexpert.ru

Р Е Ц Е Н З И Я

**на заключение комиссии экспертов № 311/13,
на заключение комиссии экспертов по дополнительной
психолого-лингвистической экспертизе № 381/13 и на
заключение комиссии экспертов по дополнительной
психолого-лингвистической экспертизе № 381/13а,
изготовленные сотрудниками ФГБНИУ
«Российский институт культурологии»
В. И. Батовым и Н. Н. Крюковой
по уголовному делу № 804952**

г.Москва

«25» октября 2014 г.

Сведения об экспертном учреждении: Общественное объединение «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)». Свидетельство о регистрации общественного объединения № 14127 от 15 февраля 2001 г., выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве.

Рецензирование осуществлено на основании запроса № 26/14 от 16 октября 2014 г. адвоката Московской коллегии адвокатов «Прокуратор» С. И. Хрящева и договора № 25-10/14, заключенного между адвокатом С. И. Хрящевым и Региональной общественной организацией «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам» (РОО ГЛЭДИС).

**ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ
ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ**

Рег.№14127 Главного управления Министерства юстиции РФ
по г. Москве от 15.02.2001 г.

Рецензирование выполнено комиссией специалистов-лингвистов в следующем составе:

ГОРБАНЕВСКИЙ МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ — действительный член Гильдии, член Правления ГЛЭДИС, Председатель правления ГЛЭДИС, доктор филологических наук, академик РАЕН (специальность: «10.02.01 – Русский язык»); диплом доктора филологических наук № ДК 001004 от 20.01.1995 г., стаж работы по специальности — 39 лет, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 051-09/13-сэ от 20.09.2013 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 20 сентября 2013 г., протокол № 68);

ЖАРКОВ ИГОРЬ ВЕНИАМИНОВИЧ — действительный член Гильдии, член Правления ГЛЭДИС, начальник научно-методического отдела РОО ГЛЭДИС, кандидат филологических наук (специальность: «10.02.21 – Структурная, прикладная и математическая лингвистика», диплом КТ №017433), стаж научной деятельности и работы по специальности — 24 года, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 063-01/14-сэ от 27.01.2014 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 27 января 2014 г., протокол № 55);

МАМОНТОВ АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ — действительный член Гильдии, член Правления ГЛЭДИС, Ученый секретарь ГЛЭДИС, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им А.С. Пушкина, академик РАЕН (специальность: «10.02.01 – Русский язык»), диплом доктора филологических наук № ДК 007310 от 23.03.2001 г., стаж работы по специальности – 39 лет, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 065-01/14-сэ от 28.01.2014 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 28 января 2014 г., протокол № 56);

ТРОФИМОВА ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА — действительный член Гильдии, члена Правления ГЛЭДИС, Заместитель Председателя Правления ГЛЭДИС, доктор филологических наук (специальность: «10.02.01 – Русский язык», диплом доктора филологических наук № ДК 024624), профессор кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов, стаж работы по специальности - 19 лет, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 067-01/14-сэ от 29.01.2014 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 29 января 2014 г., протокол №57).

Цитируемые методические источники:

1. Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сборник материалов. — М.: ИПК «Информкнига», 2010. (Издание подготовлено по заказу Роскомнадзора).
2. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — 2е изд., испр. и доп. — М.: Юридический Мир, 2006.
3. С. А. Кузнецов, С. М. Оленников. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство (научно-практическое издание). — 2-е изд., испр. и доп.. — М.: Издательский дом В. Ема, 2014.
4. О. Е. Фролова, Е. В. Щенникова. Обиходное и правовое понимание экстремизма. // Судья, № 5, 2014 г., с. 26–29.

Иная научная и методическая литература:

1. Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. 2-е издание. — СПб.: ПИТЕР, 2004.

2. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». – М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002.
3. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М.: Норма, 2005.
4. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. – М.: Норма, 2006.
5. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. М.: Стэнси, 2003.
6. Судебно-экспертное исследование вещественных доказательств. – М.: Амалфея, 2003.
7. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». / Под ред. В.П. Кашепова. – М., 2003.
8. Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство. – М.: Норма, 2004.
9. Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе. Научно-практическое пособие. / Под ред. д.ю.н, проф. Россинской Е.Р. – Москва, 2006.
10. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Престиж, 2005 г.;
11. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Медея, 2004;
12. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва 7-8 декабря 2002 г. /Под ред. проф. М.В. Горбаневского. В двух частях. – М.: Галерея, 2002-2003;
13. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. //Под ред. проф. М.В. Горбаневского – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002.
14. Язык вражды против общества: Сб. ст. /М.В. Кроз и др. - М., 2007.

15. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учеб. пособие. - М.: Флинта: Наука, 2007.
16. С. В. Борисов, А. В. Жеребченко. Квалификация преступлений экстремистской направленности / отв. ред. — засл. деят. науки РФ, д. ю. н., проф. Н. И. Ветров. — М.: Волтерс Клувер, 2011.
17. Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. — М.: Проспект, 2010.

По мнению комиссии специалистов-лингвистов, для оценки представленных на рецензирование документов как доказательств по уголовному делу могут иметь значение следующие обстоятельства.

Исходя из формы и содержания представленных на рецензирование документов, они представляют собой заключения комиссии экспертов разных специальностей, составленные на основании постановлений следователя, вынесенных в рамках предварительного расследования уголовного дела, и отражают результаты исследований, относящихся к особому виду деятельности, регламентированному процессуальным законодательством и специальными законодательными актами, — судебно-экспертной деятельности.

В информационно-правовых базах российского законодательства насчитываются сегодня сотни нормативных актов различного уровня, регламентирующих судебно-экспертную деятельность. Системным документом, определяющим правовой статус судебно-экспертной деятельности и заключений экспертов, является федеральный закон №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 года.

Указанный системный акт определяет правовую основу, принципы организации и основные направления судебно-экспертной деятельности (СЭД) как самостоятельного вида социально-полезной деятельности в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. В этом же законе закреплены принципы и правовые основы СЭД, исторически сложившиеся на основе многолетней правоприменительной практики.

Согласно ст. 2¹ указанного закона, судебно-экспертная деятельность состоит в организации и производстве судебной экспертизы. **Задачей** судебно-экспертной деятельности является оказание содействия правоохранительным органам («судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям») в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. Содействие оказывается посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

В ст. 9 даны определения основных понятий, используемых в законе. В частности, под **судопроизводством** понимается «регулируемая процессуальным законодательством Российской Федерации деятельность суда или судьи в ходе судебного разбирательства гражданских, административных и уголовных дел, а также деятельность органа дознания, лица, производящего дознание, следователя или прокурора при возбуждении уголовного дела, проведении дознания и предварительного следствия».

Судебную экспертизу закон определяет как процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний и которые поставлены перед экспертом уполномоченным лицом (судом, судьей, органом дознания и т. д.) в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Заключение эксперта — «письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом».

Статья 3 закона определяет **правовую основу** государственной судебно-экспертной деятельности, в которую помимо Конституции Российской Федерации, данного закона и других федеральных законов, а также нормативно-правовых актов федеральных органов исполнительной власти, регулирующих организацию и производство судебной экспертизы, включено процессуальное законодательство, в том числе Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

В статьях 4–8 закона зафиксированы основные принципы государственной судебно-экспертной деятельности, которые, согласно ст. 41, распространяются и на

¹ С учетом положения ст. 41, распространяющей действие ряда основных положений закона на судебно-экспертную деятельность лиц, не являющихся государственными судебными экспертами.

судебно-экспертную деятельность негосударственных экспертов. Эти принципы могут быть содержательно разнесены на две группы.

Первую группу составляют **процессуально-правовые (общезюридические) принципы** деятельности:

- принцип законности (ст. 5);
- принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица (ст. 6).

Вторую группу составляют **профессиональные (специальные) принципы** судебно-экспертной деятельности, являющиеся межотраслевыми, не зависящими от конкретного вида процесса (уголовный, гражданский, административный и т. д.), в котором участвует эксперт:

- принцип независимости эксперта, в соответствии с которым при производстве судебной экспертизы эксперт независим, он не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела. Не допускается воздействие на эксперта со стороны судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей и прокуроров, а также иных государственных органов, организаций, объединений и отдельных лиц в целях получения заключения в пользу кого-либо из участников процесса или в интересах других лиц. Лица, виновные в оказании воздействия на эксперта, подлежат ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 7);
- принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции. «Эксперт дает заключение, основываясь на результатах проведенных исследований в соответствии со своими специальными знаниями» (ст. 7);
- принцип объективности исследования. «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности...» (ст. 8). Объективность исследования является одним из общих принципов научного познания. Ведущим критерием объективности является получение тех же или близких результатов при воспроизведении исследования другим лицом или учреждением;
- принцип проверяемости выводов эксперта, тесно связанный с принципом объективности исследования. «Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных» (ст. 8);
- принцип полноты экспертного исследования (ст. 8), который означает, что при даче заключения эксперт должен, как минимум, сформулировать выводы по всем поставленным перед ним вопросам, а

также по возможности стремиться проявить экспертную инициативу, т. е. указать на обнаруженные им в ходе исследования обстоятельства, которые могут иметь значение для дела, по поводу которых вопросы не были поставлены;

- принцип всесторонности исследования (ст. 8), которая трактуется как учет при производстве экспертизы всех факторов (признаков представленного объекта), свидетельствующих как в пользу положительного вывода по поставленному вопросу, так и в пользу отрицательного вывода либо вывода о невозможности решения вопроса.

Из текста закона «О государственной судебной-экспертной деятельности в РФ» следует, что судебного эксперта можно определить как «аттестованного работника государственного судебного-экспертного учреждения, производящего судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей» (государственный судебный эксперт, ст. 12) либо лицо, обладающее специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, выполняющее судебную экспертизу, но не являющееся государственным судебным экспертом (ст. 41).

Правовой статус **эксперта** определяется прежде всего кругом его прав и обязанностей. Согласно ст. 16 указанного закона, эксперт **обязан**:

- принять к производству порученную ему судебную экспертизу;
- провести полное исследование представленных ему объектов и материалов дела, дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам;
- если поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта, объекты исследований и материалы дела непригодны или недостаточны для проведения исследований и дачи заключения и эксперту отказано в их дополнении либо современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы, — составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение и направить данное сообщение в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу;
- не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с производством судебной экспертизы, в том числе сведения, которые могут ограничить конституционные права граждан, а также сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну;
- обеспечить сохранность представленных объектов исследований и материалов дела.

Эксперт также исполняет обязанности, предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством.

Эксперт не вправе:

- вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела;
- самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы;
- сообщать кому-либо о результатах судебной экспертизы, за исключением органа или лица, ее назначивших;
- уничтожать объекты исследований либо существенно изменять их свойства без разрешения органа или лица, назначивших судебную экспертизу.

Установленные той же статьей запреты:

- принимать поручения о производстве судебной экспертизы непосредственно от каких-либо органов или лиц, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения;
 - осуществлять судебно-экспертную деятельность в качестве негосударственного эксперта —
- относятся только к государственным судебным экспертам.

Права эксперта определены в статье 17 указанного закона. Эксперт вправе:

- ходатайствовать перед руководителем судебно-экспертного учреждения о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов, если это необходимо для проведения исследований и дачи заключения;
- делать подлежащие занесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления по поводу неправильного истолкования участниками процесса его заключения или показаний;
- обжаловать в установленном законом порядке действия органа или лица, назначивших судебную экспертизу, если они нарушают права эксперта.

Эксперт также имеет права, предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством.

Согласно ст. 25 указанного закона, на основании проведенных исследований с учетом их результатов эксперт от своего имени или комиссия экспертов дают **письменное заключение** и подписывают его.

В заключении эксперта или комиссии экспертов должны быть отражены:

- время и место производства судебной экспертизы;
- основания производства судебной экспертизы;
- сведения об органе или о лице, назначивших судебную экспертизу;
- сведения о судебно-экспертном учреждении, об эксперте (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы, ученая степень и

ученое звание, занимаемая должность), которым поручено производство судебной экспертизы;

- предупреждение эксперта в соответствии с законодательством Российской Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов;
- объекты исследований и материалы дела, представленные эксперту для производства судебной экспертизы;
- сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной экспертизы;
- содержание и результаты исследований с указанием примененных методов;
- оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам.

Материалы, иллюстрирующие заключение эксперта или комиссии экспертов, прилагаются к заключению и служат его составной частью.

Закон «О государственной судебно-экспертной деятельности» включает в себя те положения, которые являются общими для разных видов судебного процесса. В то же время в процессуальных кодексах есть особые нормы, относящиеся к судебно-экспертной деятельности и являющиеся специфическими для данного вида процесса.

При наличии общих черт конкретные процессуальные нормы, регулирующие производство экспертизы, по уголовным, гражданским, административным, арбитражным и иным категориям дел имеют свои особенности, а иногда существенно различаются.

Согласно статье 57 **Уголовно-процессуального кодекса РФ**, экспертом признается любое лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения.

Эксперт в силу своего статуса в уголовном процессе вправе, в частности:

- 1) знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы;
- 2) ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов;

3) участвовать с разрешения дознавателя, следователя и суда в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы;

4) давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования;

В то же время эксперт не имеет права, в частности:

1) без ведома следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы;

2) самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования.

Эксперт вправе воззвать без исполнения постановление о назначении судебной экспертизы, если представленных материалов недостаточно для ее производства или он считает, что не обладает достаточными знаниями для ее производства.

Судебная экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей, является **комплексной**. Особенности производства комплексной экспертизы в уголовном процессе регламентированы ст. 201 УПК РФ.

В заключении экспертов, участвующих в производстве комплексной судебной экспертизы, указывается, какие исследования и в каком объеме провел **каждый эксперт**, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, **подписывает ту часть заключения**, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность.

При недостаточной ясности или полноте заключения эксперта, а также при возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела может быть назначена **дополнительная** судебная экспертиза, производство которой поручается тому же или другому эксперту.

В случаях возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или экспертов по тем же вопросам может быть назначена **повторная** экспертиза, производство которой поручается **другому эксперту**.

С учетом изложенного, **ведущим критерием оценки** представленных на рецензирование документов является их соответствие описанным требованиям законодательства, предъявляемым к заключениям экспертов.

При назначении судебной экспертизы лицо, назначающее ее, сообщает эксперту **сведения об установленных по делу обстоятельствах**, которые могут иметь значение для ответа на поставленные перед экспертом вопросы. При производстве судебно-экспертного исследования эксперт учитывает эти обстоятельства, опирается на них в своих умозаключениях как на заведомо истинные.

Поэтому в целях обеспечения требования объективности (проверяемости результатов, их воспроизводимости) судебно-экспертного исследования, установленного, в частности, ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в заключении эксперта всегда отражаются те сведения об обстоятельствах дела, которые были сообщены эксперту при назначении экспертизы.

В представленных на рецензирование заключениях такие сведения, равно как ссылки на них, **отсутствуют**. Таким образом, в рецензируемых заключениях отсутствует часть исходных данных, которые находились в распоряжении экспертов при производстве экспертиз.

Данное обстоятельство ставит под **сомнение объективность** представленных документов как заключений, отражающих результаты судебно-экспертной деятельности, поскольку объективность исследования является одним из общих принципов научного познания и ведущим критерием объективности является получение тех же или близких результатов при воспроизведении исследования другим лицом или учреждением, а неполнота исходных данных в общем случае препятствует такому воспроизведению.

Из содержания представленных на рецензирование документов (заключений) вытекает, что В. И. Батов и Н. Н. Крюкова являются сотрудниками ФГБНИУ

«Российский институт культурологии», не имеющего статуса государственного судебно-экспертного учреждения.

Соответственно, процессуальный статус В. И. Батова и Н. Н. Крюковой в рамках уголовного дела № 804952 может быть определен как **негосударственный судебный эксперт**.

Из содержания представленных на рецензирование документов (заключений) вытекает, что В. И. Батов и Н. Н. Крюкова имеют разные специальности, пересечения в сфере специальных знаний указанных лиц отсутствуют. Соответственно, проведенные В. И. Батовым и Н. Н. Крюковой первичная и две повторных экспертизы, результаты которых отражены в рецензируемых заключениях, являются **комплексными**.

Согласно п. 23 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 29.06.2011 г.:

В необходимых случаях для определения целевой направленности информационных материалов может быть назначено производство лингвистической экспертизы. К производству экспертизы могут привлекаться, помимо лингвистов, и специалисты соответствующей области знаний (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.). В таком случае назначается производство комплексной экспертизы.

Содержание поставленных перед экспертами вопросов свидетельствует о том, что для их разрешения необходимы в том числе специальные знания в области филологии (лингвистики). В частности, в каждом из трех заключений эксперты отвечают на вопросы о языковой форме высказываний, содержащихся в исследуемых ими видеофонограммах (например, о форме призыва), об их семантике (смысловом содержании), о наличии лингвистических признаков определенных деяний.

Каждое из рецензируемых заключений содержит следующие сведения о специальных знаниях экспертов, подтверждаемых информацией об их образовании и ученых степенях: В. И. Батов имеет высшее образование по специальности «психология», является кандидатом психологических наук, доктором культурологии; Н. Н. Крюкова имеет высшее образование по специальности «математика», является учителем математики, кандидатом педагогических наук.

Сведений о наличии у экспертов каких-либо экспертных специальностей рецензируемые заключения не содержат.

С учетом изложенного, **ни один из экспертов не обладает специальными знаниями в области филологии (лингвистики).**

Данный вывод косвенно подтверждается также апелляционным определением судебной коллегии Московского областного суда в составе председательствующего Гусевой Е.В., судей Воронко В.В., Гулиной Е.М. от 24 февраля 2014 г. по делу № 33-1239/14, согласно которому:

...судебной коллегией было установлено, что они не обладают специальными познаниями в области филологии и лингвистики (Крюкова Н.Н. имеет математическое и педагогическое образование, а Батов В.И. - психологическое).

В то же время в тексте рецензируемых заключений эксперты **активно используют специальную лингвистическую терминологию** (например, *высказывание, пейоративный, этнофолизм, повелительное наклонение* и т. п.). В списке литературы, использованной экспертами при производстве всех трех экспертиз, три из четырех книг относятся к области специальной лингвистической литературы (по стилистике русского текста); четвертый источник является лексикографическим — это электронный толковый словарь русского языка, также представляющий лингвистические знания.

При этом непротиворечивая интерпретация перечисленных терминов в контексте рецензируемых заключений является затруднительной. Например, термин *высказывание* в рецензируемых заключениях № 381-13 и № 381-13а используется в следующем контексте: «В представленном материале присутствует высказывание, содержащее положительную оценку враждебных действий одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по национальному признаку: в конце видеозаписи изображен автор видеозаписи, а рядом с помощью мультипликации показано, как мужской ботинок бьет деревянную чурку, которая от удара подает и откатывается в сторону без сопротивления. Т. е. осуществлены символические действия, которые указывают на положительную оценку демонстрации превосходства над уроженцами Азии или Кавказа».

Термином *высказывание* эксперты обозначают здесь некое действие, вообще не имеющее вербального, равно как и конвенционального невербального выражения

и никоим образом не являющееся продуктом речевой деятельности, что не соответствует ни одному из применяемых в лингвистической экспертизе и в лингвистике вообще определений данного понятия.

Весь объем текста каждого из трех рецензируемых заключений подписан экспертами совместно; в заключениях отсутствуют сведения о том, какие исследования и в каком объеме провел каждый из экспертов, какие факты он установил и к каким выводам пришел, что **противоречит требованиям ст. 201 УПК РФ**, согласно которым в заключении экспертов, участвующих в производстве комплексной судебной экспертизы, указывается, какие исследования и в каком объеме провел **каждый эксперт**, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, **подписывает ту часть заключения**, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность.

С учетом изложенного, можно констатировать следующее.

1. Специальная компетенция экспертов В. И. Батова и Н. Н. Крюковой не соответствует компетенции, необходимой для производства комплексной психолого-лингвистической экспертизы.

2. Рецензируемые заключения составлены по результатам производства экспертиз, назначенных и проведенных без учета рекомендаций по определению компетенции экспертов, сформулированных в п. 23 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

3. Оформление каждого из трех рецензируемых заключений не соответствует требованиям, предъявляемым действующим уголовно-процессуальным законодательством к заключениям, составленным по результатам проведения комплексных экспертиз (ст. 201 УПК РФ).

Согласно ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»:

Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

В каждом из трех рецензируемых заключений имеется список литературы (один и тот же во всех трех случаях). В указанном списке присутствует единственный лексикографический (словарный) источник лингвистических данных — электронный «СЛОВАРЬ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА», размещенный в глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет на сайте <http://www.biometrica.tomsk.ru>. Каких-либо сведениях о составителях, объеме, выходных данных, предназначении, рекомендованной сфере применения указанного словаря рецензируемые заключения не содержат.

В тексте рецензируемых заключений (как правило, в квадратных скобках с маркером «Справка» или без такового) приводятся лексикографические (словарные) данные о значениях тех или иных слов русского языка. Поскольку иных лексикографических источников в списке литературы, использованной экспертами, не имеется, вероятно, эти лексикографические данные почерпнуты экспертами из указанного «СЛОВАРЯ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА».

Уровень надежности и достоверности данных, размещаемых в сети Интернет, может быть проиллюстрирован, например, общеизвестными положениями, сформулированными в рубриках «Описание» и «Отказ от ответственности» электронной энциклопедии «Википедия», а именно:

- «Википедия не имеет ни центрального редакционного совета, ни главного редактора.»
- «Википедия не может никаким способом гарантировать правильность приведённых в ней данных.»
- «Её строение позволяет любому, кто имеет доступ к Интернету и браузер, изменять её содержание. Поэтому, пожалуйста, примите во внимание, что приведённые здесь сведения могут быть не проверенными профессионалами, обладающими знаниями в соответствующих областях, необходимыми для предоставления вам полной, точной или заслуживающей доверия информации о любом понятии в Википедии.»
- «Мы ищем пути проверки и отбора вызывающих наибольшее доверие версий статей, но мы не можем ничего гарантировать. Наше наибольшее достижение — это избранные участниками статьи, но даже они могли быть испорчены или искажены кем-то за несколько мгновений до прочтения вами.»
- «Никто из авторов, участников, спонсоров, администраторов, операторов и лиц, как-либо ещё связанных с Википедией, не несёт ответственность за появление неточной или ложной информации, а

также за использование вами данных, содержащихся на этих веб-страницах либо найденных по ссылкам с них.»

- «Если вам нужен совет специалиста (например, в области медицины, права, финансов или управления рисками), пожалуйста, обратитесь к профессионалам, имеющим лицензию и знания в данной области.»

Верхняя часть содержимого главной страницы интернет-сайта, расположенного по адресу <http://www.biometrica.tomsk.ru>, по состоянию на 20 часов 20 минут 23 октября 2014 г. представлено на следующей иллюстрации:

Осмотр данной интернет-страницы, проведенный в указанное время комиссией специалистов-лингвистов, показал, что по указанному адресу расположен информационный ресурс, позиционируемый его разработчиком или разработчиками как «журнал для медиков и биологов, сторонников доказательной биомедицины». Выходные данные сайта указаны в следующей форме: «1998 – 2014 © Василий Леонов». Из содержания информации, размещенной на главной странице сайта, вытекает, что упомянутый В. Леонов, возможно, является специалистом в области медицины или биологии.

Исходя из названия выбранного экспертами словаря («СЛОВАРЬ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА»), данный источник, вероятно, может быть отнесен к числу узкоспециальных терминологических словарей, отражающих понятийную сферу юриспруденции и описывающих подмножество лексики, характерной для научного или официально-делового стиля современного русского языка, что не соответствует стилистическим свойствам исследованных экспертами видеофонограмм, принадлежащих к публицистическому стилю, не предполагающему терминологической строгости.

Дефиниция, содержащаяся в приведенных в рецензируемых заключениях № 381-13 и № 381-13а словарной статье «Чурка — арг. 1) короткий обрубок дерева; 2) перен. недалёкий, глуповатый, необразованный человек; 3) груб., пренебр. житель или уроженец Азии (обычно Средней Азии) или Кавказа (оскорбительное название) в более широком смысле — всех нерусских народов, в том числе уроженцев Северного Кавказа и Закавказья» содержит множество отклонений от языковой нормы (присутствуют многочисленные речевые, синтаксические, пунктуационные ошибки, орфографический, а также орфографически неверное слитное написание прилагательного с частицей *не* в словосочетании «нерусский народ»), что, по мнению комиссии специалистов-лингвистов, дает серьезные основания для сомнений в лингвистическом профессионализме составителей цитируемого в рецензируемых заключениях словаря.

Изложенное **не** позволяет отнести сведения, содержащиеся в электронном «СЛОВАРЕ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА», на который и только на который² ссылаются эксперты при включении в текст рецензируемых заключений словарной информации, к категории **общепринятых научных и практических данных**.

Следует также подчеркнуть, что в методических разработках по теории судебной экспертизы, методических рекомендациях по проведению лингвистических экспертиз (см. например, [1, 2, 3]) особо подчеркивается необходимость обращения к разным словарям, поскольку каждый конкретный словарь отражает субъективизм его составителя, а также обладает особенностями,

² Исключение — не вполне корректно оформленная экспертами ссылка на «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова без указания выходных данных при описании экспертами методики исследования (приводится словарное значение глагола *призывать*).

которые определяются теми лингвистическими концепциями, которые составитель исповедует и разделяет: в лингвистике существуют разные школы, в практической лексикографии применяются существенно различные подходы к решению одних и тех же задач. Использование единственного лексикографического источника неизбежно снижает уровень объективности выводов лингвистической экспертизы.

Таким образом, представленный в каждом из трех рецензируемых заключений анализ продуктов речевой деятельности, имеющих в исследованных экспертами В. И. Батовым и Н. Н. Крюковой видеофонограммах, не основан на общепринятых научных лексикографических данных, что прямо противоречит принципу объективности судебно-экспертной деятельности и не соответствует требованиям ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Согласно ст. 25 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» в заключении эксперта или комиссии экспертов должны быть отражены содержание и результаты исследований **с указанием примененных методов**. При описании методики исследования эксперт определяет адекватный стоящим перед ним экспертным задачам понятийный аппарат, которым он пользуется при изложении в заключении хода и результатов проведенного им исследования.

В лингвистической экспертизе по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности, в частности, проводится исследование, направленное на установление подлинного содержания спорных фрагментов текста, свойства которых выявляются с помощью специальных лингвистических методик, с использованием особых терминов, в том числе общеязыковых и общенаучных понятий, таких как *информация*, *утверждение*, *мнение*, употребляемых в лингвистической экспертизе в специальных значениях, которые могут быть отличными от общепринятых в языкознании; кроме того, многие термины в традиционной лингвистике, такие как *высказывание*, *предложение*, *слово*, вообще не имеют общепринятых дефиниций и по-разному определяются представителями разных лингвистических школ и направлений. Поэтому важной частью заключения лингвистической (а следовательно, и комплексной психолого-лингвистической

экспертизы) является такое **описание** применяемого экспертом-лингвистом **терминологического аппарата**, которое является достаточным для **однозначного понимания текста заключения**.

Так, в большинстве известных методических разработок в области лингвистической экспертизы (например, [1, с. 135–146; 2, с. 45–54]) применяются приведенные ниже или близкие им **определения**, описываемые в заключении эксперта **во взаимосвязи с правовыми понятиями**, имеющими значение для конкретного гражданского, уголовного или иного дела.

Информация (сведения) — совокупность языковых высказываний о мире, событиях и о положении дел, об отношении отправителя информации к этим событиям. Информация может быть, в частности:

- **фактологической** — о конкретных ситуациях, происшествиях или событиях, о поступках или поведении физического лица, о деятельности лица юридического;
- **обобщающей** — о типичных событиях, типичном поведении человека, типичных представителях каких-либо групп, о житейских обычаях и т. п.;
- **этически оценочной** — о качествах и поступках людей, о ситуациях или событиях, которые в какой-либо картине мира, в какой-либо ценностной системе описываются как хорошие или плохие. Оценочный компонент информации носит субъективный характер, отражает точку зрения говорящего, которая может совпадать либо не совпадать с принятыми в обществе взглядами;
- **концептуальной** — теоретико-аналитическая информация о природных или социальных закономерностях;
- **директивной** — организующей поведение людей. Директивная информация может выражаться в различных формах, например, просьбы, требования, информирования об обязанностях. **Адресат** директивной информации — лицо или лица, по отношению к деятельности которых данная информация является организующей.

Информация нейтральная — информация (сведения) о ситуации, событии (о явлении, о лице, поступках лица), которые в стандартной картине мира не описываются в ценностных категориях (к такой информации неприменимы оценки «хорошо» и «плохо»).

Информация положительная (позитивная) — информация (сведения) о ситуации, событии (о явлении, о лице, поступках лица), которые в системе ценностей данного общества или на основании социально и культурологически

обусловленных местных стереотипов восприятия и реагирования считаются хорошими, похвальными, благоприятными для данного общества.

Информация отрицательная (негативная) — информация (сведения), которая содержит отрицательные характеристики юридического или физического лица или его деятельности, а также поступков физического лица с точки зрения здравого смысла, морали или с правовой точки зрения (в той мере, в которой об этом может судить любой дееспособный гражданин, не имея специальных познаний в области юриспруденции). Если негативная информация (сведения) не соответствует действительности, то такая распространяемая информация называется **порочащей** в отношении субъекта информации — лица, к которому она относится. Если негативная информация соответствует действительности, то такая информация называется **позорящей** в отношении субъекта информации.

Негативная информация может носить как обобщающий характер (негативная оценка лица, его качеств или деятельности в целом), так и характер фактический (говорящий сообщает сведения о конкретных действиях, поступках лица, которые отрицательно его характеризуют).

Высказывание — речевая единица, передающая относительно законченный фрагмент информации, сведений.

Контекст слова, выражения, высказывания — относительно законченная в смысловом отношении часть текста, достаточная для понимания смысла употребления этого слова, выражения, высказывания в конкретном тексте.

Текст - максимальная речевая единица, несущая целостный смысл. Как правило, в целях адекватного анализа высказывания, даже в тех случаях, когда вопросы задаются только по отдельным фрагментам текста, в лингвистической экспертизе необходимо анализировать текст целиком. Такой анализ позволяет выявить контекст высказываний, без которого понимание их смысла невозможно. Стилистический анализ отдельных высказываний также требует их сопоставления с общими стилистическими свойствами текста. Языковые средства, недопустимые и социально неприемлемые в передовице серьезной газеты, вполне уместны в фельетоне, который может быть опубликован в той же самой газете на другой

полосе. Стилистика текста определяется как его жанром, так и авторскими особенностями стиля.

Достоинство — сопровождающееся положительной оценкой лица отражение его качеств в его собственном сознании. Достоинство — это не просто оценка соответствия своей личности и своих поступков социальным или моральным нормам, но прежде всего — ощущение своей ценности как человека вообще (человеческое достоинство), как конкретной личности (личное достоинство), как представителя определенной социальной группы или общности (например, профессиональное достоинство), ценности самой этой общности (например, национальное достоинство). Достоинство рассматривается Конституцией Российской Федерации как абсолютно неотъемлемая и охраняемая государством ценность. Достоинство — это положительное мнение человека о самом себе как отражение его социальной оценки.

Деловая репутация — приобретаемая положительная или отрицательная общественная оценка деловых качеств лица. Деловая репутация представляет собой набор качеств и оценок, с которыми их носитель ассоциируется в глазах своих контрагентов, клиентов, потребителей, коллег по работе, поклонников (например, для шоу-бизнеса), избирателей (для выборных должностей) и персонифицируется среди других профессионалов в соответствующей области деятельности.

Следует четко разграничивать понятия достоинства и деловой репутации. В частности, юридические лица обладают деловой репутацией, но не обладают достоинством. Сотрудник юридического лица как таковой обладает соответствующей деловой репутацией, что, безусловно, не лишает его личного, профессионального, национального и т. п. достоинства, однако штаты корпорации не могут рассматриваться как некая социальная группа; вступление в трудовые или служебные отношения с определенным юридическим лицом не приводит к возникновению у человека особой разновидности достоинства как у гражданина, занимающего определенную должность в штате конкретного юридического лица.

Факт — истинное событие, действительное происшествие или явление, существовавшее или существующее на самом деле. Важно различать факт и комментарии по поводу факта, то есть суждения о факте.

Мнение (о фактах, событиях, лицах) — суждение, выражающее чью-нибудь точку зрения, отношение к кому-либо, чему-либо. Мнение может выражаться: 1) в форме предположения; 2) в форме утверждения. Мнение в форме предположения распознается по наличию маркеров — определенных слов и конструкций (например: *по моему мнению, мне кажется, я думаю, надо полагать, что* и др.) Мнение в форме утверждения таких маркеров не содержит. Мнение в форме утверждения в некоторых случаях может быть проверено на соответствие действительности.

Выражение своих мнений и убеждений, то есть пользование свободой слова, налагает особые обязанности и сопровождается некоторыми ограничениями, установленными законом. Речь идет о необходимости уважать права и репутацию других лиц, охранять здоровье и нравственность общества, общественный порядок, государственную безопасность.

Утверждение — высказывание (выражение мнения, суждение), в котором утверждается что-либо и в котором отображается связь предмета и его признаков. Утверждение грамматически выражается формой повествовательного предложения — как невосклицательного, так и восклицательного. Утверждения могут быть истинными (соответствуют действительности) или ложными (не соответствуют действительности).

Утверждение о фактах всегда основано на **знаниях**, которыми обладает говорящий. Утверждения о фактах подлежат **верификации** — проверке на соответствие действительности. Соответствие действительности не следует путать с **истинностью** высказывания. Истинными или ложными могут быть признаны высказывания, по форме представляющие собой не только утверждения, но и предположения, выводы и т. п. Истинность высказывания *Основная причина сегодняшнего благополучного положения России — высокий уровень мировых цен на энергоносители* может быть подтверждена или опровергнута методами экономической науки, однако такое исследование не является верификацией. Достаточно сказать, что истинностная оценка этого высказывания зависит от критериев, применяемых при оценке истинности таких его компонентов, как *основная причина* или *высокий уровень цен*.

Заведомо ложное утверждение — утверждение, содержащее сведения, в отношении которых говорящему в момент речи доподлинно известно, что они не соответствуют действительности. В общем случае квалификация информации как заведомо ложной предполагает ее верификацию (проверку на соответствие действительности) и выходит за пределы компетенции эксперта или специалиста-лингвиста. Однако в некоторых случаях текст может включать в себя высказывания, из содержания и формы которых вытекает, что говорящему известна информация, исключающая или опровергающая содержание данного утверждения. При обнаружении в ходе исследования описанной ситуации эксперт-лингвист может указать на нее как на признак заведомости сообщаемых говорящим ложных сведений. С другой стороны, эксперт-лингвист, определяя форму выражения тех или иных сведений в конкретном тексте, ограничивает круг высказываний, которые могут содержать заведомо ложные сведения. В частности, высказывания-мнения (предположения, сравнения, сомнения и т. п.) не подлежат проверке на соответствие действительности, что исключает возможность их трактовки как заведомо ложных.

Интерпретация — раскрытие смысла, содержания чего-либо.

Содержание, или **смысл высказывания** — мысль, суждение, или их фрагмент, отраженные в структуре высказывания (предложения, фрагмента текста, текста), а также складывающиеся из значений и порядка слов, составляющих высказывание.

Серьезная задача лингвистов – выявление приличного или неприличного характера формулировок, наличие в них **непристойных, потенциально оскорбительных языковых средств**. Наличие такой лексики во фразе, представляющей собой негативную адресованную оценку собеседника (в случае очного, личного общения) или заочную характеристику персонажа (в журналистском тексте), с высокой степенью вероятности позволяет лингвистам диагностировать такую фразу как реализацию речевого акта оскорбления. Но признание фразы оскорблением является прерогативой суда, а не задачей лингвистов-экспертов.

В рамках других известных методик исследования, в том числе специально разработанных для применения в лингвистической экспертизе по уголовным делам о

преступлениях экстремистской направленности, часть терминов может определяться существенно иначе.

Например, в методическом руководстве «Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими» С. А. Кузнецова и С. М. Оленникова [3, с. 110–111] предлагается несколько иная классификация **речевой информации**, отличная от приведенной выше. Авторы указанного руководства вводят следующие виды речевой информации:

- **констатирующая** — содержащая сведения о конкретных ситуациях, о реальных происшествиях или событиях, о поступках или поведении физического лица, о деятельности юридического лица и т. п.;
- **убеждающая** — содержащая аргументы в поддержку какого-либо мнения, суждения о личных качествах людей, оценочные характеристики ситуаций или событий, которые в общественном сознании, в чьей-либо системе ценностей описываются как хорошие/плохие, правильные/неправильные, вредные/полезные и т. п.;
- **директивная** — выражающая речевые действия, направленные на организацию, управление целенаправленным поведением, сознательными действиями людей, побуждение их к действию.

Указывая на общепринятость традиционного понимания термина **высказывание**, приведенного выше, авторы указанного руководства тем не менее явным образом вводят собственное определение, значительно расширяющее указанное понятие: «В настоящей методике под высказыванием (т.е. под композитным высказыванием) понимается метасинтаксическая структура, образуемая совокупностью суждений, характеризующих главный риторический объект или тему». Согласно излагаемой авторами методике, высказывание предполагает обязательную реализацию говорящим трех коммуникативных намерений, которые сводятся к трем различным типам речи: описанию (фактической констатирующей характеристике объектов, наличного явления или ситуации в статике), повествованию (характеристике объектов во временной последовательности и развитии) и рассуждению (логико-понятийному обобщению фактов, установлению имплицативных отношений между событиями и их оценкой, установлению правил и ценностей).

Важным с точки зрения методики экспертного исследования является также корректное определение **правовой базы** экспертизы.

Так, определение экстремистских материалов содержится в ст. 1
Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»:

экстремистские материалы — предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

В приведенном определении используется понятие **экстремистской деятельности**, к которой относятся, согласно определению, данному в той же статье:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте "е" части первой статьи 63 уголовного кодекса российской федерации;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
- публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;
- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»:

Под **публичными призывами** (статья 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности.

Согласно п. 7 указанного Постановления:

Под **действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды**, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц. Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды.

При установлении в содеянном в отношении должностных лиц (профессиональных политиков) действий, направленных на унижение достоинства человека или группы лиц, судам необходимо учитывать положения статей 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации, принятой Комитетом министров Совета Европы 12 февраля 2004 года, и практику Европейского Суда по правам человека, согласно которым политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в средствах массовой информации; государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в средствах массовой информации в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий. Критика в средствах массовой информации должностных лиц (профессиональных политиков), их действий и убеждений сама по себе не должна рассматриваться во всех случаях как действие, направленное на унижение достоинства человека или группы лиц, поскольку в отношении указанных лиц пределы допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц.

Согласно п. 8 указанного Постановления:

Не является преступлением, предусмотренным статьей 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или

политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

Согласно п. 23 указанного Постановления:

При назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды.

В целом следует констатировать, что, по мнению целого ряда специалистов в области юриспруденции и лингвистики, иных экспертов, определение экстремизма, или экстремистской деятельности в действующем российском законодательстве носит размытый, недостаточный характер, объединяет в себе разнородные явления, как представляющие особую общественную опасность и подлежащие уголовному преследованию, так и значительно менее тяжкие правонарушения. Это относится, например, к такому важному пункту определения, как «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни». Под этот пункт подпадают как уголовные преступления, описываемые в ст. 282 УК, так и сходные, но не уголовно наказуемые деяния. В результате известны прецеденты, когда газета может быть закрыта за публикацию, автор которой не привлекался и не будет привлечен к уголовной ответственности (например, именно так была закрыта в 2005 году газета Национал-большевистской партии (НБП) «Генеральная линия»).

Помимо этого, руководствуясь дефинициями понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность», содержащимися в ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», принятом в июле 2002 г., комиссия специалистов-лингвистов считает необходимым обратить внимание суда на тот факт, что в существенное противоречие с ним входит дефиниция понятия «экстремизм», содержащаяся в ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (ратифицированной Федеральным Собранием Российской Федерации и подписанной от имени Российской Федерации президентом В. В. Путиным в январе 2003 г.): «"Экстремизм" – какое-либо деяние,

направленное на насильственный (здесь и далее выделено составителями настоящей рецензии) захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон». И хотя п.1.2 данной статьи содержит важную оговорку («Настоящая статья не наносит ущерба какому-либо международному договору или какому-либо национальному законодательству Сторон, которые содержат или могут содержать положение о более широком применении терминов, используемых в настоящей статье»), мы полагаем, что Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» нуждается в оптимизации Федеральным Собранием РФ, в том числе, в части доработки и уточнения принятых в нем дефиниций.

Особо следует отметить такое понятие, как «возбуждение социальной розни», поскольку социальной рознью можно считать вообще любое противоречие в обществе, что создает возможность при наличии определенных предпосылок, которые могут носить как объективный, так и, что важно подчеркнуть, субъективный характер, обвинить в экстремистском высказывании любого человека, который публично высказывается о каком-то конфликте или выступает против кого-либо.

Не менее важным является то обстоятельство, что, исходя из известной комиссии специалистов-лингвистов практики судебно-экспертной деятельности, в настоящее время отсутствует единое (общепринятое, устоявшееся) определение понятия **социальной группы**. Разные эксперты и специалисты пользуются разными критериями и системами критериев отнесения тех или иных сообществ людей к разряду социальных групп, что создает предпосылки для нарушения единства судебной практики.

Предпочтительным решением данной проблемы было бы законодательное уточнение данного понятия, например, через введение списка социальных групп,

достоинство которых охраняется законом (или соответствующих словесных обозначений), однако такого списка на данный момент не существует.

В общем случае при отнесении того или иного сообщества граждан к разряду социальных групп, достоинство которых охраняется законом, следует учитывать целый ряд разнородных факторов, например:

- наличие объективной и субъективной общности интересов членов группы;
- характер совпадающих интересов (демографический, экономический, политический, морально-этический, социально-психологический, собственно социальный и т. п.). Данный фактор позволяет, к примеру, выделять в особую категорию так называемые «малые» группы, имеющие социально-психологический характер, общность членов в которых мотивируется и поддерживается исключительно межличностными связями (например, сообщество друзей или коллектив сотрудников одного подразделения фирмы, объединяемых совместной работой);
- является ли отнесение гражданина к данной группе вопросом его самоидентификации;
- требуется ли выполнение каких-то формальных требований или процедур для вступления в группу (для признания гражданина ее членом) и какова их природа;
- может ли гражданин быть лишен статуса члена группы принудительно;
- манифестируется ли группа в обществе через некую общую для всех ее членов деятельность, преследующую определенную цель;
- существуют ли общие для членов группы система ценностей и мировоззрение;
- насколько обособленной является группа;
- обладает ли группа внутренней организацией;
- существуют ли социальные институты, регулирующие отношения в группе;

- являются такие институты формальными или неформальными;
- *etc.*

Необходимо учитывать, что недопустимой является экспертная подмена социальной (а также конфессиональной, национальной и т. п.) группы соответствующим ей формальным социальным институтом. (Ср. цитируемую выше позицию Пленума Верховного Суда о критике политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев. Подобная критика, то есть выражение негативной информации, в том числе сопровождающееся во многих случаях здоровой агрессией, может трактоваться как неизбежная составная часть конфликта; без конфликтов как таковых нормальное развитие общества невозможно).

Следует также иметь в виду существование ярко выраженных «асоциальных» групп, которые безусловно удовлетворяют любым мыслимым формальным критериям выделения социальных групп, однако достоинство и интересы которых при этом не подлежат правовой охране (например, преступный мир).

При исследовании спорных высказываний в лингвистической экспертизе во всех случаях требуется четко определять, какие языковые средства используются в тексте для обозначения того или иного сообщества людей и какой точный смысл передают эти словесные средства в спорном контексте. Только после этого можно говорить о том, относится содержание того или иного спорного высказывания именно к социальной группе — или же речь идет о чем-то ином: о юридическом лице, которое имперсонифицирует и (или) персонифицирует группу, в том числе, возможно, в общественных представлениях, но не тождественно ей, о формальном социальном институте, регулирующем отношения в группе, и т. п.

Согласно словарным толкованиям, *пропаганду* можно определить как распространение в обществе и разъяснение каких-либо воззрений, идей, знаний, учения.

В буквальном переводе с латинского *propaganda* (от лат. *propagare* распространять) «пропаганда» означает распространение политических, фи-

лософских, научных, художественных и других идей в обществе. Например, политическая или идеологическая пропаганда осуществляется с целью формирования у широких масс населения определенных взглядов. Под пропагандой понимается деятельность, направленная на то, чтобы повлиять на сознание индивидов, отдельных общественных групп или на общество в целом для достижения определенной, заранее намеченной цели.

Обобщая разные дефиниции, можно сказать, что под пропагандой в контексте закона «О противодействии экстремизму» понимается распространение среди широкого круга лиц идей, взглядов, представлений или побуждений к действиям, направленным на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды. Вербально такая пропаганда может выражаться в виде призывов, воззваний, поучений, советов, предостережений, требований, угроз и т.п. Выявление смысловой направленности высказываний, разоблачение скрытых приемов и способов пропаганды национальной, религиозной розни и вражды является центральным звеном в установлении противоправности совершаемого деяния.

Разъяснение содержания термина «пропаганда» применительно к разжиганию национальной розни дал Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении № 17 «О рассмотрении судами дел, связанных с преступлениями, совершенными в условиях стихийного или иного общественного бедствия» от 23 декабря 1988 г. Пропаганда - это «распространение злонамеренных слухов и измышлений, подрывающих доверие и уважение к другой национальности, вызывающих чувство неприязни к ней. Действия, совершенные с этой целью, могут выражаться в публичных выступлениях и призывах, в том числе в печати и иных средствах массовой информации, в изготовлении, распространении листовок, плакатов, лозунгов и т. п., а также в организации собраний, митингов, демонстраций и активном в них участии в вышеуказанных целях».

К сожалению, в рецензируемых заключениях **отсутствует сколь-нибудь значимый массив определений** терминов, которыми пользуются эксперты, в том числе таких терминов, которые допускают существенно различное понимание и по-

разному трактуются в лингвистической экспертизе в зависимости от применяемой экспертом методики исследования.

В частности, **отсутствуют определения** терминов *высказывание, суждение, негативный, угроза, социальная группа, пропаганда, превосходство, неполноценность* и мн. др., не раскрыто содержание применяемых экспертами понятий *возбуждение розни, возбуждение вражды, возбуждение ненависти* и др.

При описании методики исследования и применяемого экспертами терминологического аппарата в каждом из рецензируемых заключений его составители ограничиваются **некорректным выборочным цитированием** определений *экстремистской деятельности* и *экстремистских материалов*, содержащихся в тексте закона «О противодействии экстремистской деятельности», и вводят понятия *стиля художественной литературы* и *стиля публицистической литературы*, причем в дальнейшем эти понятия в тексте заключения никак **не используются**, что вполне логично, поскольку исследованные экспертами видеофонограммы произведениями литературы не являются.

При этом эксперты игнорируют важную с методической точки зрения необходимость всегда четко разграничивать общеупотребительные значения, отражающее общеязыковое значение того или иного термина, и его понятийное содержание в той или иной специальной сфере (в данном случае — в юриспруденции), в то время как «одна из проблем, с которой сталкивается лингвист-эксперт, — присутствие одного и того же слова в обиходной речи и правовых документах при отсутствии тождества его значения в непрофессиональном и в юридическом типах употребления» [4, с. 26].

Принятое экспертами определение *призыва «способ информирования, направленный на убеждение личности, группы людей для побуждения к действию»* **разительно отличается** от предложенного Верховным судом процитированного выше определения публичных призывов как выраженных в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращений к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности.

Некорректно определена экспертами также **правовая база** исследования. В частности, эксперты применяют федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. **в редакции** федеральных законов № 148-ФЗ от **27.07.2006 г.** и № 153-ФЗ от 27.07.2006 г., **игнорируя** изменения, внесенные в текст закона 10 мая и 24 июля 2007 г., 29 апреля 2008 г., 25 декабря 2012 г., 2 июля 2013 г., 28 июня и 21 июля 2014 г., причем игнорируемые экспертами законодательные акты связаны в том числе с изменением содержащихся в статье 1 закона определений экстремистской деятельности и экстремистских материалов.

В исследовательской части рецензируемых заключений эксперты приходят к промежуточному выводу о том, что автор представленных на экспертизу видеофонограмм «демонстрирует идеологию скинхедов», сопровождая указанный вывод списком признаков, которые, по мнению экспертов, проявляются в исследованных ими видеофонограммах, являясь манифестациями указанной идеологии, и присутствие которых позволяет экспертам прийти к подобному выводу.

Однако ни определения, ни описания «идеологии скинхедов» как особого явления ни одно из рецензируемых заключений не содержит. Соответственно, проверить обоснованность данного вывода не представляется возможным: подобная проверка предполагает сопоставление перечисленных экспертами признаков с принятыми экспертами определением или описанием «идеологии скинхедов» с последующей оценкой существенности выявленных экспертами сходств и различий.

Комиссии специалистов-лингвистов представляется сомнительным присутствующее в рецензируемых заключениях неявное суждение экспертов о том, что такие присущие исследуемым видеофонограммам признаки, как наличие самооправдания и «демонстрации негативного отношения ко всем претендентам на пост мэра Москвы ввиду их отказа от жесткой миграционной политики», действительно относятся к числу признаков, по совокупности которых может быть определена идеология скинхедов как таковая.

Кроме того, из текста рецензируемых заключений неясно, считают ли эксперты «скинхедов» социальной группой. Словесное обозначение *скинхеды*

многократно используется экспертами в рецензируемых заключениях, однако какого-либо определения или описания данного понятия экспертами не вводится.

Аналогичным образом, рецензируемые заключения не содержат какого-либо определения применяемого экспертами понятия *неонацистской идеологии*, при том, что эксперты приходят к промежуточному выводу о том, что эта идеология проявляется в исследуемых экспертами видеофонограммах «в оценочных суждениях» (хотя в обоснование вывода экспертами приведено лишь одно такое суждение — «естественно болел я за немцев»). Остается неясным, почему данное суждение трактуется экспертами как проявление именно неонацистской (а не, например, традиционной нацистской, антисоветской или милитаристской) идеологии и почему проявление неонацистской идеологии является, по мысли экспертов, одним из признаков демонстрации идеологии скинхедов.

Подобное положение дел свидетельствует о несоблюдении экспертами принципов объективности и проверяемости исследования, установленных ст. 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности» («Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных»).

Не изложена в тексте рецензируемых заключений и остается в результате неясной логика рассуждений, приведшая экспертов к промежуточному выводу, присутствующему в рецензируемых заключениях, о том, что заключение в кавычки слова «святое» в контексте «религия Победы — это все, что осталось в России «святого», ничего, кроме «9 мая» и «деды воевали» в России нет ничего, что могло бы задеть чувства россиян» однозначно свидетельствует о пренебрежительном отношении «к победе России (sic!) в Великой отечественной войне».

Аналогичным образом, не изложена в тексте рецензируемых заключений и остается в результате неясной логика рассуждений, приведшая экспертов к промежуточному выводу, присутствующему в рецензируемых заключениях, о том, что сведение заслуг советского (российского, по мнению экспертов) народа в

Великой отечественной войне «к весьма неопределенному понятию «деды воевали» приравнивает «Отечественную войну к операции наемников».

В тексте рецензируемых заключений присутствуют никак не обосновываемые экспертами обобщения. Например, употребление в исследуемых видеофонограммах арготизмов *чурки* и *хачи* характеризуется экспертами как проявление негативного отношения «ко всем инородцам». Остается неясным, считают ли эксперты, что как минимум один из указанных арготизмов может применяться, скажем, к ирландцам или южноамериканским индейцам, или они полагают, что ни ирландцы, ни южноамериканские индейцы не могут быть названы в современном русском языке словесным обозначением *инородцы*.

Совершенно аналогично термину *инородцы* эксперты используют словесные обозначения «неарийский тип», «неарийская раса» и другие подобные словосочетания, что приводит комиссию специалистов-лингвистов к тем же сомнениям. Кроме того, неясно, кого именно эксперты полагают арийцами или ариями (определение данных словесных обозначений в рецензируемых заключениях отсутствует, а в исследованных экспертами видеофонограммах, судя по содержанию рецензируемых заключений, эти словесные обозначения вообще не использовались).

Неясным остается, каким образом использование в тексте рецензируемых заключений немецкого существительного *Ordnung*, отсутствующего, судя по их содержанию, в исследованных экспертами видеофонограммах, доказывает связь между указанными видеофонограммами и нацистской Германией.

Представляется некорректной осуществленная экспертами интерпретация используемого в исследованных ими видеофонограммах словосочетания *хачевские подстилки* в смысле «русские (славянские) женщины, выходящие замуж за инородцев». В частности, данная интерпретация не соответствует словарным значениям прилагательного *хачевский* и *подстилка*, в том числе определяемым на основе словарных данных, приведенных в рецензируемых заключениях. Комиссия специалистов-лингвистов полагает, что в данном случае экспертами произведена подмена понятий.

Представляется некорректной, содержащей необоснованное обобщение осуществленная экспертами интерпретация следующего, по их мнению, из содержания исследованных экспертами видеофонограмм вывода о том, что «убить женщину, отдавшуюся врагу — это правильно», как свидетельствующего именно об отношении авторов видеофонограмм к женщине как таковой. Комиссия специалистов-лингвистов полагает, что в данном случае экспертами произведена подмена понятий.

Исходя из общепринятого в лингвистике понимания *угрозы* как коммуникативного намерения, присущего высказыванию, в котором говорящий выражает намерение совершить поступок (действие, значимое бездействие), в результате которого вероятно наступление негативных последствий для адресата высказывания, и с учетом того обстоятельства, что понятие угрозы никак не определено в рецензируемых заключениях, комиссия специалистов-лингвистов полагает некорректной интерпретацию высказывания «скоро в кино начнут расстреливать» как выражающего угрозу.

Присутствующий в каждом из рецензируемых заключений вывод о том, что высказывание «Выкинуть чурок!» представляет собой прямой призыв, является некорректным, в том числе в принятых экспертами терминах. Данное высказывание по форме является инфинитивным, семантически близко к неопределенно-личным, в его составе отсутствует обращение (синтаксическая форма, которая может выражаться существительным или местоимением-существительным второго лица в именительном падеже, прямо называющая адресата высказывания, на письме обычно отделяемая запятыми), не содержит в своем составе глагола в повелительном наклонении.

Совокупность перечисленных свойств высказывания «Выкинуть чурок!» не соответствует определению прямого призыва, введенному в каждом из рецензируемых заключений, приблизительно соответствует определению косвенного призыва, введенному в каждом из исследуемых заключений.

Присутствующее в рецензируемом заключении № 381-13а утверждение о том, что словоформа *выкинуть* представляет собой глагол в повелительном

наклонении, является полностью ложным, свидетельствует о том, что **эксперты не обладают какими-либо специальными знаниями в области лингвистики**; более того, приходится констатировать, что **уровень лингвистических познаний экспертов не полностью включает в себя объем программы средней школы по русскому языку**.

Аналогичные суждения имеются в рецензируемых заключениях в отношении формы высказывания «валить хачей».

Из содержания исследовательской части каждого из трех рецензируемых заключений вытекает, что подлежащие исследованию видеофонограммы были переданы экспертам следователем на двух оптических носителях, каждый из которых находился в отдельном конверте, один из которых был опечатан. Указанные носители во всех случаях имели одни и те же номера. Указанные конверты во всех трех рецензируемых заключениях описаны тождественно.

Комиссия специалистов-лингвистов полагает, что рецензируемые заключения № 381-13 и № 381-13а содержат ошибочную либо заведомо ложную информацию в части описания переданных на экспертизу материалов, поскольку описанная ситуация входит в противоречие с имеющимися в заключении № 311 сведениями о том, что по окончании проведения исследования содержащиеся исследованные экспертами видеофонограммы были переупакованы в белый бумажный конверт и опечатаны печатью Российского института культурологии.

Обобщая изложенное, комиссия специалистов-лингвистов ГЛЭДИС приходит к следующим основным выводам.

1. В рецензируемых заключениях не нашла своего отражения часть исходных данных, которые находились в распоряжении экспертов при производстве экспертиз, что ставит под сомнение объективность представленных документов как заключений, отражающих результаты судебно-экспертной деятельности.

2. Представленный в каждом из трех рецензируемых заключений анализ продуктов речевой деятельности, имеющих в исследованных экспертами В. И. Батовым и Н. Н. Крюковой видеофонограммах, **не основан на общепринятых научных лексикографических данных, что прямо противоречит принципу объективности судебно-экспертной деятельности** и не соответствует требованиям ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

3. **Специальная компетенция** экспертов В. И. Батова и Н. Н. Крюковой **НЕ соответствует** компетенции, необходимой для производства **комплексной психолого-лингвистической экспертизы**. В частности, **ни один из экспертов не обладает специальными знаниями в области лингвистики**. Более того, исходя из содержания рецензируемых заключений, уровень лингвистических познаний экспертов не полностью включает в себя объем программы средней школы по русскому языку.

4. Рецензируемые заключения составлены по результатам производства экспертиз, назначенных и проведенных без учета **рекомендаций** по определению компетенции экспертов, сформулированных в п. 23 **Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»**.

5. **Оформление** каждого из трех рецензируемых заключений **НЕ соответствует требованиям**, предъявляемым действующим уголовно-

процессуальным законодательством к заключениям, составленным по результатам проведения комплексных экспертиз (ст. 201 УПК РФ).

6. В рецензируемых заключениях отсутствует сколь-нибудь значимый массив определений терминов, которыми пользуются эксперты, в том числе таких терминов, которые допускают существенно различное понимание и по-разному трактуются в лингвистической экспертизе в зависимости от применяемой экспертом методики исследования. В ряде случаев использование лингвистической терминологии не соответствует ни одному из применяемых в лингвистической экспертизе и в лингвистике вообще определений.

В частности, принятое экспертами определение призыва «способ информирования, направленный на убеждение личности, группы людей для побуждения к действию» **разительно отличается от предложенного Верховным Судом РФ** определения публичных призывов как выраженных в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращений к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности.

7. Правовая база исследования определена экспертами **некорректно**. В частности, эксперты **игнорируют изменения, внесенные в текст федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»** 10 мая и 24 июля 2007 г., 29 апреля 2008 г., 25 декабря 2012 г., 2 июля 2013 г., 28 июня и 21 июля 2014 г., причем игнорируемые экспертами законодательные акты связаны в том числе с изменением содержащихся в статье 1 закона

определений экстремистской деятельности и экстремистских материалов, выборочно цитируемых экспертами в каждом из рецензируемых заключений.

8. В тексте каждого из рецензируемых заключений имеется множество выводов, как промежуточных, так и по поставленным следствием вопросам, в отношении которых следует констатировать, **что логика рассуждений, приводящих к этим выводам, в тексте заключений не раскрыта или неясна**, что свидетельствует о **несоблюдении экспертами принципов объективности и проверяемости исследования**, установленных **ст. 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности»**.

Кроме того, в тексте рецензируемых заключений присутствуют **никак не обосновываемые экспертами обобщения**, а также суждения, в которых наблюдается ярко выраженная **подмена понятий**, что свидетельствует о **несоблюдении экспертами принципов объективности и проверяемости исследования**.

9. Комиссия специалистов-лингвистов полагает, что рецензируемые заключения № 381-13 и № 381-13а **содержат ошибочную либо заведомо ложную информацию** в части **описания переданных на экспертизу материалов**.

10. Комиссия специалистов-лингвистов полагает, что **выводы** по результатам производства экспертиз, изложенные в рецензируемых заключениях № 311-13, № 381-13 и № 381-13а, **НЕ являются обоснованными**.

* * *

Исследование (научно-методическое рецензирование) проведено и оформлено в полном соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и действующими процессуальными кодексами РФ.

Члены комиссии специалистов-лингвистов, члены Правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам осведомлены об административной ответственности за дачу заведомо ложных пояснений.

Члены комиссии ГЛЭДИС:

Председатель Правления ГЛЭДИС,
действительный член ГЛЭДИС,
доктор филологических наук,
профессор, академик РАЕН

М.В. ГОРБАНЕВСКИЙ

Член Правления ГЛЭДИС,
действительный член ГЛЭДИС,
начальник научно-методического отдела
РОО ГЛЭДИС,
кандидат филологических наук

И.В. ЖАРКОВ

Член Правления ГЛЭДИС,
действительный член ГЛЭДИС,
ученый секретарь ГЛЭДИС, академик РАЕН,
доктор филологических наук, профессор
кафедры русской словесности и межкультурной
коммуникации Государственного института
русского языка им А.С. Пушкина

А.С. МАМОНТОВ

Зам. председателя Правления ГЛЭДИС,
действительный член ГЛЭДИС,
доктор филологических наук,
профессор кафедры массовых
коммуникаций филологического
факультета Российского
университета дружбы народов

Г.Н. ТРОФИМОВА

ПОДПИСИ ЭКСПЕРТОВ ЗАВЕРЯЮ:

*М.В. ГОРБАНЕВСКИЙ,
председатель Правления Гильдии,
доктор филологических наук, профессор,
академик РАЕН*

м.п.

